

Белорусский государственный университет

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических
наук

по специальностям 10.01.02 – русская литература, 10.01.01 –
белорусская литература

Пространственно-временная организация художественного мира В.
Астафьева и В. Козько

Крикливец Елена Владимировна

Минск, 2013

Работа выполнена в учреждении образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Научный руководитель Гончарова-Грабовская Светлана Яковлевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы Белорусского государственного университета

Официальные оппоненты:

Цветова Наталья Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры речевой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета

Манкевич Елена Алейзовна, кандидат филологических наук, заведующий отделом белорусской литературы XX и XXI вв. ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы» НАН Беларуси

Оппонирующая организация УО «Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка»

Ученый секретарь совета по защите диссертаций Хмельницкий Н.Н.

Введение

Сравнительно-типологическое изучение восточнославянских литератур (в частности, русской и белорусской), активно развивающееся в последней трети XX века, не утратило своей приоритетности и сегодня. Об этом свидетельствуют работы как русских ученых (Ю.А. Лабынцев, Г.В. Стадников, М.Н. Сперанский, Л.Л. Щавинская и др.)¹, так и белорусских (А.Н. Андреев, С.В. Букчин, В.В. Борисенко, В.В. Ивашин, Т.П. Казакова, М.А. Лазарук, Т.Н. Мельникова, В.П. Рагойша, М.А. Тычина, И.А. Черота, И.И. Шпаковский, И.Ф. Штейнер и др.)².

В центре внимания данного исследования – сравнительный анализ художественной прозы В. Астафьева и В. Козько – представителей русской и белорусской литератур, занимающих ключевое место в литературном процессе последней трети XX века. Проблематика и поэтика произведений этих писателей имеют общие точки соприкосновения, обусловленные социокультурным пространством двух государств, общей картиной славянского мира, мировоззрением художников, их авторским мышлением в создании художественной концепции универсума. Сохраняя творческую индивидуальность, они демонстрируют национальную ментальность и общечеловеческую позицию.

---

¹ Литературные взаимосвязи и типологические схождения. История и современность / отв. ред. Г.В. Стадников. – СПб.: Лема, 2010. – 360 с.; Сперанский, М.Н. Из истории русско-славянских литературных связей / М.Н. Сперанский. – М.: USSR, 2011. – 280 с. и др.

² Мельникова, Т.Н. Русская и белорусская сатирическая проза периода 20-х годов XX столетия (М. Булгаков, М. Зощенко, К. Крапива, А. Мрый): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Т.Н. Мельникова; Беларус. гос. ун-т. – Минск, 1997. – 22 с.; Рагойша, В.П. Белорусская поэзия XX столетия в контексте восточнославянских литератур (типология, рецепция, художественный перевод): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02 / В.П. Рагойша; Рос. АН, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – М., 1993. – 91 с.; Тычина, М.А. Аляксандр Пушкін і Якуб Колас / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы / М.А. Тычина. – Мінск: Бел. навука, 1999. – 167 с.; Черота, І.А. Пошук спрадвечнай існасці: Беларуская літаратура XX стагоддзя ў працэсах нацыянальнага самавызначэння / І.А. Черота. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995. – 159 с. и др.

Творчество В. Астафьева достаточно глубоко исследовано русскими учеными (Е.М. Букаты, П.А. Гончаров, А.Н. Кузина, А.П. Ланщиков, А.Ф. Лапченко, А.М. Мартазанов, И.В. Новожеева, Л.В. Соколова, Д.А. Субботкин, Н.С. Цветова, Н.Н. Яновский и др.). Научный интерес к прозе В. Козько проявили белорусские литературоведы (Т.Л. Барабанщикова, П.В. Васюченко, Г.М. Друк, Н.П. Капшай, Л.Д. Корень, Т.С. Нуждина, М.А. Тычина и др.). Однако характер и специфика организации художественного пространства-времени в работах данных ученых лишь обозначены или изучены частично. Сравнительный анализ творчества В. Астафьева и В. Козько также ранее не осуществлялся.

Актуальность и новизна избранной темы определяются необходимостью дальнейшего сравнительного изучения русской и белорусской литератур, что позволит выявить авторские модели мира, универсалии, конституирующие общность двух славянских литератур, определить константы национально-культурной парадигмы в произведениях писателей, расширить представление о реальной картине русско-белорусских взаимосвязей.

Впервые в российском и белорусском литературоведении предпринята попытка изучения специфики пространственно-временной организации художественного мира В. Астафьева и В. Козько на сравнительно-типологическом уровне, что дало возможность определить генетическую связь обоих писателей, исследовать их творческую манеру. Выделенные ключевые топосы дома и дороги, организующие художественные модели мира В. Астафьева и В. Козько, помогли не только углубить понимание идейно-художественной концепции произведений, но и выделить общее и индивидуальное в их творчестве, раскрыть особенности историко-культурной ситуации последней трети XX века. Подобное исследование имеет научную перспективу, так как открывает новые возможности в изучении восточнославянских литератур.

1. Общая характеристика работы

Связь работы с крупными научными программами и темами

Диссертационное исследование связано с государственной плановой научной темой, которая разрабатывалась на кафедре литературы УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»: «Литература и фольклор: сопоставительное изучение и преподавание» (2006-2010 гг., государственный регистрационный номер 20062119 от 26 июня 2006 г.). Кроме того, исследования по теме диссертации проводились в рамках исполнения Гранта аспиранта Министерства образования Республики Беларусь по теме «Модусы художественного пространства-времени в прозе В. Астафьева и В. Козько» (государственный регистрационный номер 20100704 от 03 мая 2010 г.).

Цель и задачи исследования

Цель диссертационного исследования – выявить особенности пространственно-временной организации художественного мира В. Астафьева и В. Козько в ракурсе сравнительного анализа. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) определить специфику исследовательских подходов в изучении концепции пространства и времени в литературоведении; 2) выделить ключевые топосы, организующие художественные модели мира в прозе данных писателей; 3) определить функции и значение конкретных топосов, основные аспекты их реализации в произведениях В. Астафьева и В. Козько; 4) конкретизировать представление о русско-белорусских литературных взаимосвязях в последней трети XX века на примере творчества данных писателей.

Объект исследования – художественная проза В. Астафьева (рассказы, повести «Стародуб», «Звездопад», «Пастух и пастушка», «Последний поклон» и др., книга «Царь-рыба», романы «Печальный детектив», «Прокляты и убиты») и В. Козько (рассказы, повести «Цвіце на Палессі груша», «Суд у Слабадзе», «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел» и др.,

романы «Неруш», «Хроніка дзетдомаўскага саду», «Бунт незапатрабаванага праху»).

Предмет изучения – пространственно-временная организация художественного мира В. Астафьева и В. Козько в сравнительном аспекте; специфика функционирования в их произведениях конкретных топосов.

Положения, выносимые на защиту

1. Пространственно-временная организация художественного мира в прозе В. Астафьева и В. Козько имеет не только сугубо индивидуальные константы (художественный метод, приемы моделирования реальности, национально-культурный компонент), но и общие черты (нравственная, социальная, экологическая проблематика; наличие общих топосов дома и дороги; идиллический модус художественности; аксиологическая направленность), что позволяет расширить представление о взаимосвязях русской и белорусской прозы в последней трети XX века, проявившихся в общности социокультурной ситуации, возвращении к идеям почвенничества в 1960-е – 1980-е гг., попытке постижения сущности национального характера, смене эстетических парадигм.

2. В прозе В. Астафьева и В. Козько художественный мир создается путем пересечения горизонтальной и вертикальной осей движения, выраженных топосом дороги, с точкой пересечения в топосе дома. На концептуальном уровне организации произведения как художественного целого топосы дома и дороги способствуют раскрытию общей для обоих писателей экзистенциальной, социальной, экологической проблематики. На уровне «внутренней формы» функционирование данных топосов отражает национально-ментальные и эстетические особенности творческих установок русского и белорусского авторов.

3. На реальном уровне своей внутренней структуры топос дома обозначает место действия, которое конкретизируется локусами с пространственным значением. На перцептуальном уровне топос дома актуализирует социальный и экологический аспекты, включая в свою

парадигму такие модели, как дом-семья, внутренний дом, мир нации (родина), антидом, отражая систему отношений «человек – природа». На концептуальном уровне топос дома реализуется в мифологическом аспекте и выражен трехчастной моделью дома-вселенной, сакральным центром которого является изба. Сакрализация дома или его разрушение обусловили появление в прозе писателей элементов утопии и антиутопии (апокалипсические мотивы в произведениях В. Астафьева, эсхатологические – в творчестве В. Козько). Доминирующий аспект топоса дома определяет тип сознания героев: в прозе В. Астафьева – дискурсивный, или конвергентный (доминирует социальный аспект), в прозе В. Козько – мифологический, или уединенный (доминирует мифологический аспект). В прозе В. Астафьева дом является отправной точкой сюжетного движения, в произведениях В. Козько дом выступает финальной точкой развития сюжета. В прозе обоих писателей происходит детемпорализация пространства дома, так как его конституирующими признаками являются неизменность, постоянство.

4. Актуализируя социальный аспект, топос дороги представлен в прозе В. Астафьева и В. Козько двумя противоположными моделями движения, обусловленными ментальными и мировоззренческими особенностями писателей. Герои В. Астафьева перемещаются преимущественно из дома в мир (преобладание данной модели соотносится с приоритетным для русского этноса процессом расселения, освоения новых территорий), что определяет линейное движение времени и общий тип сюжета становления в произведениях писателя. В прозе В. Козько доминирует модель движения героя из мира в дом, воплощающая идею вечного возвращения (инвариант идеи национального возрождения, характерной для белорусской ментальности), которой продиктованы циклическое время и циклический тип сюжета. В прозе обоих писателей топос дороги отражает цикличность жизни природы (экологический аспект) и актуализирует онтологические черты, приобретая значение последнего пути (мифологический аспект). В

произведениях В. Козько в мифологическом аспекте представлены все этапы жизненного пути героев, поскольку они соотносятся с мифологическими представлениями об этапах человеческой жизни. В творчестве и русского, и белорусского прозаиков с топосом дороги связаны такие формы художественного времени, как биографическое, историческое, календарное время.

5. Воплощая вертикальную ось движения, топос дороги в прозе В. Астафьева и В. Козько приобретает значение духовной эволюции либо деградации личности. Нравственные ориентиры В. Астафьев предлагает искать во внешнем мире. В качестве таковых в творчестве писателя выступают жизнь в гармонии с природой («Последний поклон», «Царь-рыба» – второй период творчества писателя) и жизнь, основанная на христианских заповедях (роман «Прокляты и убиты» – третий период творчества). Герой, вставший на путь деградации, обрекает себя на гибель. В. Козько путь духовного спасения видит в возвращении к корням, к прошлому (в том числе и к прошлому своей нации). Герои писателя ищут нравственную опору в самих себе, в своем внутреннем мире. Топос дороги обусловил появление в прозе белорусского писателя мотивов суда и утраченного рая. «Грехопадение» героя подразумевает в творчестве В. Козько следующий этап нравственного возрождения (обретения утраченных духовных ценностей). Топос дороги отражает эволюцию центрального героя в произведениях писателей: автобиографический герой → герой, воплощающий специфику национального характера, → герой, достигший нравственного идеала (путем страданий – в прозе В. Астафьева, путем возвращения в «правремя» – в прозе В. Козько).

6. Сравнительный анализ пространственно-временной организации художественного мира В. Астафьева и В. Козько позволил определить общность их идейно-нравственных исканий, а также выявить творческую уникальность каждого автора. Эстетические системы обоих прозаиков на этапе становления преодолевают каноны соцреалистического метода (конец

1950-х – начало 1960-х гг.), отражают позиции почвенничества (вторая половина 1960-х – начало 1980-х гг.). С конца 1980-х гг. писатели работают в русле разных литературных направлений. Творчество В. Астафьева усвоило и обогатило парадигму классического реализма, а художественная система В. Козько по настоящее время испытывает воздействие модернистских тенденций. Национальная идея в творчестве белорусского писателя выражена с помощью неомифологических приемов моделирования реальности.

Личный вклад соискателя

Диссертация является самостоятельным исследованием автора.

Апробация результатов диссертации

По теме исследования были сделаны доклады и сообщения на следующих конференциях: VIII–XI Международных научных конференциях «Язык и социум» (Минск, 5-6 декабря 2008 г., 3-4 декабря 2010 г.); IV Международной научно-методической конференции «Литература в контексте современности» (Челябинск, 12-13 мая 2009 г.); Международных научно-практических конференциях «Кулешовские чтения» (Могилев, 24 апреля 2009 г., 29-30 апреля 2010 г.); Республиканской научно-практической конференции «III Машеровские чтения» (Витебск, 24-25 марта 2009 г.); Международной научной конференции «Культура и письменность славянского мира» (Смоленск, 23 мая 2009 г.); IX Международной научной конференции «Славянские литературы в контексте мировой» (Минск, 15-17 октября 2009 г.); VIII Международной научной конференции «Белорусско-русско-польское сопоставительное языкознание и литературоведение» (Витебск, 22-24 октября 2009 г.); III Международной конференции «Коды русской классики: «Дом», «домашнее» как смысл, ценность и код. Аспекты семантической актуализации» (Самара, 19-20 ноября 2009 г.); III Международном форуме русистов стран СНГ и Балтии (Минск, 7-8 декабря 2009 г.); II Международной научной конференции «Русская и белорусская литературы рубежа XX–XXI веков» (Минск, 15-17 апреля 2010 г.); XV (62) –

XVI (63) Региональных научно-практических конференциях преподавателей, научных сотрудников и аспирантов (Витебск, 3-5 марта 2010 г., 16-17 марта 2011 г.); Международном научном семинаре «Историко-теоретическая база современных литературоведческих исследований» (Полоцк, 9-10 апреля 2010 г.); Республиканской научно-практической конференции «Беларуская мова і літаратура ў славянскім этнакультурным кантэксце» (Витебск, 21-22 октября 2010 г.).

Опубликованность результатов исследования

Основные положения диссертации изложены в 21 публикации: 4 – в научных изданиях, рекомендованных ВАК РБ (1,7 авторских листа), 3 – в научных сборниках (0,9 авторских листа), 13 – в материалах научных конференций (2,6 авторских листа), 1 – в учебно-методическом комплексе (1,3 авторских листа). Общий объем опубликованных материалов составляет 6,5 авторских листа.

Результаты исследования нашли практическое применение, что подтверждено пятью актами внедрения.

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, общей характеристики работы, трех глав, заключения и библиографического списка. Полный объем работы – 126 страниц (основной текст занимает 102 страницы), список использованных источников включает 293 наименования.

2. Основное содержание работы

В первой главе «Проблема художественного пространства и времени как объект литературоведческого исследования» анализируются связанные с темой диссертации теоретические вопросы.

В разделе 1.1 «Изучение категорий пространства и времени в диахроническом аспекте» дается обзор ведущих работ, посвященных данной проблеме, в российском (М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, Д.С. Лихачев, Ю.М.

Лотман, Б.А. Успенский, В.Н. Топоров, В.В. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум, Р.О. Якобсон) и белорусском (А.И. Бельский, А.А. Игнатюк, Л.Д. Корень, М.П. Телень, С.Я. Гончарова-Грабовская, Т.И. Шамякина) литературоведении, в зарубежной науке (А. Бергсон, Э. Гуссерль, С. Кьеркегор, М. Мерло-Понти, Х. Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер, О. Шпенглер и др.), краткая характеристика результатов исследований. Изучение категорий художественного пространства и времени выступает «ключом» к постижению идейно-художественной концепции произведения, к анализу творчества писателей в контексте историко-культурных особенностей эпохи.

В разделе 1.2 «Топос как структурный элемент пространственно-временной организации произведения и объект научного исследования» описывается литературная традиция толкования топосов, заложенная в трудах Э.Р. Курциуса, Л. Борншеуэра, У. Шмидт-Биггемана, Р. Лаусберга, Р. Грубеля, Р. Бахе, Р. Николози, Р. Лахманна и др. Рассматриваются ключевые работы по изучению топики в XX веке и на современном этапе (А.М. Панченко, В.М. Жирмунский, Л.Я. Гинзбург, М.Б. Храпченко, О.М. Фрейденберг, В.В. Виноградов, В.Е. Хализев, Ю.М. Лотман, В.С. Баевский, Ф.П. Федоров, О.В. Пригожая, Н.Е. Разумова, Т.А. Алпатова и др.).

В данной диссертации топос рассматривается как структурная единица хронотопа, являющаяся в то же время образной универсалией и служащая языком межкультурной коммуникации. На реальном уровне своей внутренней структуры топос приобретает значение места действия. На перцептуальном – отражает индивидуальное преломление реального мира в сознании писателя, получает субъективную аксиологическую нагрузку и выполняет функцию образа или мотива. На концептуальном уровне осуществляется выход из пространства текста в пространство культуры, обращение к глубинным, мифопоэтическим представлениям; топос функционирует как архетип или мифологема. В качестве ключевых топосов, организующих художественные модели мира в прозе В. Астафьева и В.

Козько, нами выделены топосы дома и дороги, которые рассматриваются на всех уровнях внутренней структуры.

Вторая глава «Топос дома в пространственно-временной структуре художественного мира В. Астафьева и В. Козько» состоит из трех разделов.

В разделе 2.1 «Мифологический аспект топоса дома» отмечается, что ключевой моделью дома в данном аспекте является модель дома-вселенной, конкретизирующаяся локусом жилища, обозначающим сакральный центр мира. Структура дома-вселенной в прозе В. Астафьева и В. Козько совпадает с трехчастной моделью пространства, бытующей во многих мифологических традициях. Верхний мир представлен пространственными образами неба и солнца, воплощающими духовные, этические императивы. Средний мир – образами земли и воды и их мифических (мифологизированных) обитателей: рыбы («Царь-рыба», «Цвіце на Палессі груша»), аиста («Неруш», «Хроніка дзетдомаўскага саду»), зубра («Хроніка дзетдомаўскага саду»), Голосницы, Железного Человека, болотного быка («Неруш») и др. Топос дома в произведениях В. Астафьева и В. Козько воплощает не только идею жизни, но и смерти (вечный дом). Пространственные координаты вечного дома могут соотноситься как с верхним миром (языческий вирий, христианский рай), так и с нижним миром (мир мертвых, ад). В прозе писателей понятие вечного дома чаще всего локализуется в образах могилы, кладбища. Почитание, уважение предков является залогом связи поколений.

Примечательно, что В. Козько гораздо чаще В. Астафьева апеллирует к мифологической образности, что позволяет выделить в его произведениях второй, ирреальный план повествования, который определяет тип сознания героев. В прозе В. Козько преобладают герои с мифологическим, или уединенным (романтическим), типом сознания. В произведениях В. Астафьева таких героев немного и на определенном этапе своего развития они переходят от уединенного типа сознания к конвергентному, дискурсивному (Витя Потылицын в «Последнем поклоне»).

Мифологизированный топос дома может утрачивать свою сакральность, приобретать признаки антидома. Данный мотив в прозе В. Астафьева выполняет идейно-тематическую функцию предупреждения, в прозе В. Козько – становится жанровообразующим (приближает произведение к жанру антиутопии). Топос дома является в большей степени пространственной, нежели временной категорией (время поглощается статичностью пространства); понятие вечного дома включает значение вечности, то есть бесконечного времени.

В разделе 2.2 «Социальный аспект топоса дома» подчеркивается, что ключевыми моделями дома в социальном аспекте выступают дом-семья, внутренний дом, мир нации (родина), антидом.

Дом-семья в прозе В. Астафьева и В. Козько является местом формирования, становления личности. Герои В. Астафьева, усвоив морально-этические нормы в родительском доме, создают собственную семью вне этого дома. Способность нести ответственность за родных людей, умение превратить антидом в дом становится доказательством духовной зрелости героя («Последний поклон», «Печальный детектив», «Царь-рыба»). Героям В. Козько для того, чтобы не потерять или вновь обрести себя, следует находиться в отчем доме или вернуться туда, поскольку только так возможно осознать себя, свое место в жизни, продолжить свой род. Если герои утрачивают связь с корнями, происходит трансформация дома в антидом («Цвіце на Палессі груша», «Бунт незапатрабаванага праху»). Дом-семья становится в произведениях В. Козько не только отправной, но и финальной точкой жизненных исканий человека.

Дом может быть осмыслен не только как часть пространства или модель взаимоотношений, но и как центр сознания героя (внутренний дом). Функции внутреннего дома в прозе писателей различны. Воспоминания о доме помогают героям В. Астафьева сохранить себя в трудных жизненных ситуациях, но при этом все же остаются воспоминаниями. Для героев В.

Козько память о доме становится импульсом к возвращению, следовательно, имеет не только идейное, но и сюжетообразующее значение.

Отсутствие дома-семьи, невозможность его обретения делают героев бездомными. В произведениях В. Астафьева бездомность – явление социальное, возникающее тогда, когда у героя отсутствует модель благополучных семейных отношений («Печальный детектив», «Людочка», «Пролетный гусь»). В. Козько осмысливает бездомность как проблему экзистенциальную, связанную с отсутствием у героя внутреннего дома («Суд у Слабадзе», «Хроніка дзетдомаўскага саду»).

Семантику дома в прозе В. Астафьева и В. Козько приобретает мир нации, народа (родина). В произведениях писателей можно выделить хронотоп деревни (идиллическое описание народной жизни, подчиненной законам природы, многовековым традициям крестьянского «лада»), который противопоставлен хронотопу города (технократической цивилизации, грозящей разрушением не только патриархальному укладу жизни, но и ее духовным основам). Произведения писателей 1960-х – 1980-х гг. вступают в диалог с «деревенской прозой» и отражают идейные позиции почвенничества. Государство как социальное образование может входить в парадигму дома (если герой осознает взаимосвязь своей судьбы с историческим путем государства: «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел») или же быть противопоставленным ему («Прокляты и убиты»).

В разделе 2.3 «Экологический аспект топоса дома» говорится о том, что во многих этапных произведениях В. Астафьева и В. Козько тема взаимоотношений человека и природы является центральной, обуславливает композицию и сюжетную линию. Природа рассматривается как естественная для человека среда, Земля приобретает значение дома. Топос дома, таким образом, расширяет свои семантические границы и реализуется в экологическом аспекте. Антидомом, оппозицией природному космосу в творчестве писателей выступает хаос технократического общества, законы

которого зачастую оказываются несовместимыми с законами «естественной» жизни.

В прозе В. Астафьева и В. Козько отражены этапы взаимоотношений человека и природы в процессе развития общества: дом (гармония, космос) → разрушение (утрата) дома, превращение дома в антидом → противопоставление космоса природы хаосу человеческой жизни, тоска по утраченной гармонии (у В. Астафьева), попытка вернуться к прежней взаимосвязи с природой (у В. Козько).

В произведениях В. Астафьева (за исключением «Стародуба») названные этапы раскрываются в логической последовательности: от восприятия природы как дома и жизни в гармонии с космосом в первой книге «Последнего поклона» и «Оде русскому огороду» к мотиву разрушения дома в «Царь-рыбе» до резкого противопоставления космоса природы хаосу государства в романе «Прокляты и убиты». При этом утверждается, что социальное и техногенное развитие цивилизации сделало недостижимым возвращение к изначальной гармонии.

В произведениях В. Козько природа предстает зачастую грубо «преобразованной» человеком («Неруш», «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел», «Сенакос у канцы красавіка»). Однако основной признак дома – статичность – все же остается незыблемым. Герои, пройдя нелегкий путь внутреннего становления, получают возможность вернуться в дом, обрести утраченную гармонию с природой Полесья, умение понимать ее законы и подчиняться им.

Противопоставление космоса природы хаосу человеческого общества в прозе В. Астафьева и В. Козько выполняет одновременно функции прогноза и предупреждения. Причем писатели говорят не только о вероятности экологического кризиса, но, прежде всего, о неизбежности кризиса экзистенциального, поскольку человек, утративший связь с природой, позволяющий себе бездушное отношение к собственному дому,

ожесточается, превращается в потребителя, становится безразличным к бытию других людей и будущих поколений.

В третьей главе «Топос дороги в пространственно-временной организации произведений В. Астафьева и В. Козько» раскрываются значение и функции данного топоса в структуре художественного мира писателей.

В разделе 3.1 «Дорога как отражение жизненного пути героя» отмечается, что в прозе В. Астафьева и В. Козько дорога представляет собой горизонтальное перемещение героя (перемену его положения во внешнем мире и во времени) и вертикальное перемещение героя (совершаемое не самим героем в физическом смысле, а его душой, связанное с идеей развития либо деградации личности). Семантику движения по горизонтали топос дороги реализует на реальном и перцептуальном уровнях своей внутренней структуры. Реальный уровень топоса дороги подразумевает перемещение героя из одного локуса в другой в реальном пространстве. На перцептуальном уровне дорога приобретает обобщенное значение жизненного пути героя, его судьбы. Топос дороги (так же, как и топос дома) актуализирует в прозе В. Астафьева и В. Козько социальный, экологический и мифологический аспекты.

В социальном аспекте топос дороги выражен в творчестве писателей двумя противоположными моделями: дорога из дома в мир – преобладает у В. Астафьева, дорога из мира в дом – доминирует у В. Козько. Модель перемещения героя из дома в мир предполагает становление, взросление героя, освоение им нового жизненного пространства, реализацию в социуме. Этот путь проходят все герои В. Астафьева: Витя Потылицын («Последний поклон»), Аким («Царь-рыба»), Леонид Сошнин («Печальный детектив»), Лешка Шестаков, Коля Рындин, Ашот Васконян, лейтенант Щусь («Прокляты и убиты») и др. Возвращение в дом, с точки зрения В. Астафьева, невозможно и не является необходимым для героя, обретающего себя в мире. Модель движения из мира в дом, представленная в прозе В.

Козько, влияет на композицию его произведений. Отправной точкой сюжетного развития в них становится не рождение героя и не уход его из родительского дома, а состояние духовного опустошения, потери себя – этап, с которого начинается возвращение героя домой: Кольки Летечки («Суд у Слабадзе»), Евмена Ярыги («Цвіце на Палессі груша»), Германна Говара («Бунт незапатрабаванага праху»). Процесс формирования личности, по В. Козько, – это процесс осознания своей связи с малой родиной, с национальной почвой. Отсутствие дороги домой, невозможность вернуться в прошлое осмысливается как нравственное наказание героя («Неруш»).

Актуализируя экологический аспект, топос дороги воплощает в творчестве писателей идею цикличности жизни природы и необходимости соотнесения человеческого пути с законами природного мира. Здесь принципиальных различий в функционировании топоса дороги в произведениях В. Астафьева и В. Козько не наблюдается: способы раскрытия экологической проблематики у русского и белорусского писателей общие.

В прозе В. Козько, в отличие от В. Астафьева, преобладает мифологический аспект топоса дороги. Жизненный путь его героев отражает мифологические представления об этапах человеческой жизни (наиболее четко это прослеживается в романе «Бунт незапатрабаванага праху»). Общим для обоих писателей выступает представление о дороге как о последнем пути. Однако, описывая дорогу как последний путь, В. Астафьев апеллирует к традиционным в литературе античным, библейским сюжетам и образам, а В. Козько – преимущественно к национальной мифологии.

В разделе 3.2 «Топос дороги как воплощение идеи эволюции либо деградации личности» говорится, что, реализуясь на концептуальном уровне своей внутренней структуры, топос дороги воплощает идею духовной эволюции или деградации личности и способствует раскрытию нравственно-этической проблематики произведений В. Астафьева и В. Козько.

Движение героев по вертикали, их духовная эволюция связаны в прозе В. Астафьева с поиском моральных ориентиров во внешнем мире. В качестве

таковых выступает жизнь в гармонии с природой («Последний поклон», «Ода русскому огороду», «Царь-рыба») и жизнь, основанная на христианских законах, дорога к Богу («Прокляты и убиты»). Произведения В. Астафьева отражают эволюцию прозаика от богоборческих мотивов («Стародуб») к пантеизму и деизму. Отсутствие у героев нравственных идеалов неизбежно приводит к деградации личности, к духовному опустошению (примером может послужить образ старшины Мохнакова в повести «Пастух и пастушка»).

Присущий творчеству В. Козько мифологизм обуславливает взаимосвязь топоса дороги с идеей вечного возвращения, которое становится залогом постижения гармонии и обретения духовных ценностей, национального возрождения. Характерно, что поиск духовной гармонии герои В. Козько осуществляют, возвращаясь в свое прошлое, в свои воспоминания, углубляясь в себя. Таким образом, духовное восхождение героев В. Козько – это поиск моральной опоры в самих себе, в своем внутреннем мире.

Топос дороги как перемещение героев по вертикали обусловил появление в прозе В. Козько мотива суда и мотива утраченного рая. Однако в произведениях писателя наблюдаются отступления от библейских канонов. В ранних русскоязычных повестях («Високосный год», «Повесть о бесприютной любви») герои сами совершают суд над своим прошлым, что дает им надежду на искупление вины. Этап наказания в произведениях, основанных на мифе об утраченном рае («Неруш», «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел»), не является последним. Писатель не исключает возможности возвращения к утраченной гармонии. Именно возвращение к прежним духовным ценностям и становится завершающим этапом нравственного восхождения героя. Кроме того, наряду с библейскими реминисценциями в произведениях В. Козько представлен обширный пласт мифологической образности, которая заполняет фабульную канву библейских историй.

В разделе 3.3 «Топос дороги и категория художественного времени» подчеркивается, что категорию времени в художественном мире писателей воплощает топос дороги, так как именно он наделен семантикой изменения, движения, перемещения. Типы и формы художественного времени в прозе В. Астафьева и В. Козько связаны с топосом дороги в значении жизненного пути человека (движения по горизонтали). Так как жизненный путь героев в творчестве В. Астафьева подчинен модели движения из дома в мир, время в его произведениях (при наличии ретроспективных элементов) развивается поступательно от прошлого к настоящему и будущему. Такое время можно охарактеризовать как линейное. Топос дороги, подчиняясь линейному времени, обуславливает сюжетное движение в произведениях В. Астафьева. Все сюжетные схемы, представленные в прозе писателя, являются инвариантами общего типа сюжета – сюжета становления. В творчестве В. Козько жизненный путь героя соответствует модели движения из мира в дом, где отправной точкой сюжетного развития становится этап, с которого начинается возвращение героя к родным корням. Художественное время в произведениях В. Козько можно определить как циклическое, воплощающее идею вечного возвращения, апеллирующее к мифологическому сознанию. Соответственно многообразие сюжетных схем в прозе белорусского писателя подчинено общему циклическому типу сюжета.

Несмотря на то, что в произведениях В. Астафьева и В. Козько представлены разные типы художественного времени, в целом категория времени в прозе писателей имеет общие признаки: характеризуется дискретностью и обратимостью. Преобладающим модусом художественного времени в прозе В. Астафьева становится модус настоящего времени, так как именно события, происходящие в настоящем героя, составляют основу повествования. В творчестве В. Козько доминирует модус прошедшего времени, поскольку герои вспоминают о прошлом, пытаются обрести свое прошлое и в нем самих себя.

Кроме того, топос дороги определяет формы художественного времени: биографическое, историческое и календарное время. Данные формы являются общими для обоих прозаиков.

Заключение

Основные научные результаты диссертации

1. Основными структурными элементами пространственно-временной организации художественного мира В. Астафьева и В. Козько являются топосы дома и дороги. Данные топосы универсальны как для русской, так и для белорусской культурной традиции и потому служат языком межкультурной коммуникации. В прозе В. Астафьева и В. Козько пересечение горизонтальной и вертикальной осей движения, выраженных топосом дороги, обуславливающим категорию времени, с точкой пересечения в топосе дома, определяющем категорию пространства, создает целостный художественный мир произведения с присущими ему пространственно-временными координатами. На концептуальном уровне и на уровне организации произведения как художественного целого топосы дома и дороги способствуют раскрытию экзистенциальной, социальной, экологической проблематики, общей для писателей-современников, представителей одного творческого поколения. Функционирование названных топосов на уровне «внутренней формы» отражает национально-ментальные особенности подходов русского и белорусского прозаиков к эстетическому постижению окружающей действительности [1; 2; 3; 4; 7; 14; 19].

2. Топос дома в прозе В. Астафьева и В. Козько полисемичен. На реальном уровне своей внутренней структуры он выражает значение места действия, которое конкретизируется локусами с пространственным значением (населенные пункты, топонимы, различные типы жилища). На перцептуальном уровне топос дома актуализирует социальный и экологический аспекты. Реализуясь в социальном аспекте, топос дома в произведениях В. Астафьева и В. Козько включает в свою парадигму следующие модели: дом-семья, внутренний дом, мир нации (родина), антидом, которые воплощают различные формы взаимодействия героев с

социумом. Ключевой моделью дома в творчестве обоих прозаиков выступает дом-семья, где герой усваивает духовные, культурные, эстетические ценности. В прозе В. Астафьева дом является отправной точкой сюжетного движения и функционирует как открытое, расширяющееся пространство. В произведениях В. Козько дом становится финальной точкой развития сюжета и представляет собой сужающееся, ограниченное пространство. Реализуясь в экологическом аспекте, топос дома отражает систему отношений «человек – природа» и выполняет функцию прогноза, предостережения. Используя топос дома в указанном значении, писатели предупреждают не только об экологическом кризисе, но и о его экзистенциальных последствиях. На концептуальном уровне топос дома в творчестве В. Астафьева и В. Козько актуализирует мифологический аспект, включая в свою парадигму образы с мифологическим, архетипическим значением. Топос дома представлен трехчастной моделью дома-вселенной, стягивающегося к сакральному центру (избе). Мифологический аспект топоса дома в прозе В. Козько является доминирующим и обуславливает мифологическое, или уединенное, сознание большинства героев писателя. В произведениях В. Астафьева превалирует социальный аспект дома, соответственно, тип сознания его героев можно определить как дискурсивный, или конвергентный. Мотив разрушения дома, утраты домом изначальной сакральности обусловил наличие в прозе писателей элементов утопии (сакрализация дома-семьи, жизнь в гармонии с природой) и антиутопии (грубое разрушение изначальной гармонии). Разрушение дома в произведениях В. Астафьева приобретает апокалипсическое значение, в прозе В. Козько – отражает эсхатологические представления. Конституирующими признаками дома в прозе обоих писателей выступают неизменность, постоянство, следовательно, пространство дома утрачивает временную зависимость. Топос дома включает в себя всю совокупность бытовых и бытийных представлений В. Астафьева и В. Козько, определяет этическую и эстетическую направленность их произведений [2; 3; 6; 11; 13; 15; 17; 18; 20].

3. Топос дороги, воплощающий горизонтальную ось движения, отражает как перемещение героя из одного места действия в другое (реальный уровень внутренней структуры топоса), так и приобретает значение его жизненного пути. Актуализируя социальный аспект, топос дороги представлен в произведениях В. Астафьева и В. Козько двумя противоположными моделями движения. В прозе В. Астафьева преобладает центробежная модель перемещения героя из дома в мир, соотносящаяся с приоритетным для русского этноса процессом расселения, рассеяния, освоения новых территорий. Топос дороги выражает семантику становления, взросления героя, изучения им нового жизненного пространства. При этом возвращение героя в дом невозможно и не является необходимым, так как герой совершает путь в мир и обретает себя в мире. Модель перемещения героя из дома в мир обуславливает линейное движение времени в произведениях В. Астафьева и подчиненность всех сюжетных схем общему типу сюжета становления. В прозе В. Козько доминирует модель движения героя из мира в дом, поскольку для белорусской ментальности основополагающим является движение к дому, к корням, к малой родине, воплощающее идею национального возрождения. Процесс формирования личности, по В. Козько, – это процесс осознания героем своей связи с национальной почвой, с домом, следовательно, начальным этапом развития сюжета становится этап, с которого начинается возвращение героя домой. Центростремительная модель движения героя обуславливает циклическое время и циклический тип сюжета в произведениях белорусского прозаика. Топос дороги в прозе В. Астафьева и В. Козько, кроме социального, актуализирует экологический и мифологический аспекты. В первом случае топос дороги выражает общую для обоих писателей идею цикличности жизни природы. Во втором – выявляет представление о дороге как о последнем пути. Кроме того, в произведениях В. Козько, ориентированных на мифологическое мировосприятие, этапы жизненного пути героя совпадают с мифологическими представлениями об этапах жизненного пути

человека (то есть мифологический аспект топоса в творчестве белорусского писателя преобладает). В прозе В. Астафьева и В. Козько с топосом дороги связаны такие формы художественного времени, как биографическое время, историческое время, календарное время. Топос дороги, выражающий значение движения по горизонтали, таким образом, определяет представления писателей о месте человека в мире и во времени [1; 5; 6; 9; 10; 12; 17].

4. Воплощая вертикальную ось движения, топос дороги в прозе В. Астафьева и В. Козько приобретает значение духовной эволюции или деградации личности. Оба прозаика, обеспокоенные нравственным обликом современника, предлагают путь выхода из экзистенциального и общественного кризиса, путь духовного возрождения. Жизненный путь героев В. Астафьева представляет собой поиск себя в мире, следовательно, их духовная эволюция также связана с поиском моральных ориентиров во внешнем мире. Поскольку творчество самого писателя эволюционирует от богоборческих мотивов к пантеизму и деизму, в качестве таковых на разных этапах литературной деятельности В. Астафьева выступают жизнь в гармонии с природой, христианские заповеди. Герой, вставший на путь деградации, с точки зрения В. Астафьева, не имеет возможности нравственного возрождения. Так как в творчестве В. Козько центральной становится идея вечного возвращения, его герои ищут духовную гармонию в своем прошлом, в своих воспоминаниях, в своем внутреннем мире. Топос дороги обусловил появление в прозе белорусского писателя мотивов суда и утраченного рая, с которыми связаны первый и второй этапы его творчества. «Грехопадение» героя, по В. Козько, не исключает возможности последующего возрождения, напротив, выступает поворотным этапом к нему. С точки зрения белорусского писателя, только возвращаясь в свое прошлое, к корням, к истокам, человек обретает нравственные ориентиры, вообще получает право называться человеком. Будучи тесно связанным с нравственной проблематикой, топос дороги отражает эволюцию

центрального героя в прозе писателей: автобиографический герой → попытка постижения специфики русского и белорусского национального характера → герой, совершивший духовное восхождение ценой испытаний и жертв (у В. Астафьева); герой, вернувшийся в «правремя», воскресивший традиции предков (у В. Козько) [1; 4; 5; 12].

5. Начиная с 1960-х годов в советской литературе ставится ряд вопросов, продиктованных историей советского общества и его современным состоянием. Проблематика писателей-современников В. Астафьева и В. Козько имеет точки соприкосновения. Оба автора обращаются к темам, актуальным в русской и белорусской литературах последней трети XX века: говорят о тяготах войны и военного детства, поднимают проблему крестьянской жизни в сибирской и полесской деревнях, их волнует нравственное состояние общества и экологическая ситуация в стране. В творчестве В. Астафьева и В. Козько воплощены художественные модели мира, отражающие взгляды авторов на реалии своего времени, на место и роль человека в современном обществе. Пространственно-временные координаты художественного мира писателей определяются топосами дома и дороги, которые являются не только элементами хронотопа, но и образными универсалиями. Сопоставительный анализ функционирования данных топосов в прозе В. Астафьева и В. Козько позволяет выявить общность идейных и нравственных исканий писателей-современников, а также определить национальную и индивидуальную специфику их эстетических приемов. Так, эстетические системы обоих прозаиков на этапе становления преодолевают каноны соцреалистического метода, в 1960-е – 1980-е гг. отражают мировоззренческие позиции почвенников («деревенской прозы»). С конца 1980-х гг. писатели работают в русле разных литературных направлений. Творчество В. Астафьева усваивает и обогащает парадигму классического реалистического искусства, а художественная система В. Козько по сей день открыта в современную реальность, подвержена влиянию модернистских тенденций (что особенно отчетливо проявляется в романе

«Бунт незапатрабаванага праху»). Национальная идея в творчестве В. Козько выражена с помощью неомифологических приемов моделирования художественной реальности. Особенности эстетических подходов к осмыслению действительности, выявленные в прозе В. Астафьева и В. Козько, тем не менее, не исключают общего способа художественной завершенности их произведений. В творчестве и русского, и белорусского писателей герой стремится установить гармонию между собственным «я» и объективной реальностью. Следовательно, единым для обоих прозаиков становится идиллический модус художественности [1; 2; 3; 4; 8; 16; 21].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Результаты исследования могут использоваться при дальнейшем изучении русской и белорусской литератур последней трети XX века, в частности, русско-белорусских литературных связей и авторских моделей; при подготовке учебных пособий. Будучи опубликованной в форме монографии, диссертация может стать коммерческим продуктом на рынке образования. Кроме того, результаты исследования могут использоваться преподавателями филологических факультетов при проведении лекционных и семинарских занятий; учителями русской и белорусской литератур при подготовке к урокам, для разработки плана факультативных занятий. Научные выводы, к которым приходит диссертант, могут быть интересны студентам, углубленно изучающим творчество В. Астафьева и В. Козько в рамках курсовых и дипломных проектов, магистрантам и аспирантам, чьи диссертационные работы сопряжены с изучением данной проблемы.

Список публикаций по теме диссертации

1. Крикливец, Е.В. Мифологическое пространство-время в повестях В. Астафьева и В. Козько: топос дороги / Е.В. Крикливец // Вестник Витебского государственного университета. – 2010. – № 1 (55). – С. 86–90.
2. Крикливец, Е.В. Дом как сакральный центр пространства-времени в прозе В. Астафьева и В. Козько / Е.В. Крикливец // Русский язык и литература. – 2010. – № 11 (134). – С. 58–63.
3. Крикливец, Е.В. Социальные аспекты топоса дома в прозе В. Астафьева и В. Козько / Е.В. Крикливец // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С. 19–27.
4. Крыклівец, А.У. Топас дарогі як увасабленне ідэі эвалюцыі або дэградацыі асобы ў прозе В. Казько і В. Астаф'ева / А.У. Крыклівец // Роднае слова. – 2011. – № 10. – С. 24–27.
5. Крикливец, Е.В. Мифологическое пространство-время в прозе В. Астафьева и В. Козько: топос дороги / Е.В. Крикливец // Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI веков. К 70-летию кафедры русской литературы: сборник научных статей: в 2 ч. / под ред. проф. С.Я. Гончаровой-Грабовской. – Минск: РИВШ, 2010. – Ч. 2. – С. 39–44.
6. Крикливец, Е.В. Модус социального пространства в повестях В. Астафьева и В. Козько / Е.В. Крикливец // III Международный форум русистов стран СНГ и Балтии, Минск, 7-8 декабря 2009 г.: сб. науч. статей / М-во образования Респ. Беларусь, Посольство Российской Федерации в Респ. Беларусь, НМУ «Нац. ин-т образования» М-ва образования Респ. Беларусь; под общ. ред. Л.А. Муриной, В.Ф. Русецкого. – Минск: Нац. ин-т образования, 2010. – С. 66–69.
7. Крикливец, Е.В. Пространство и время в литературоведении и художественной практике В. Астафьева и В. Козько / Е.В. Крикливец // Романо-германская филология в контексте гуманитарных наук:

международный сборник научных статей. – Новополоцк: ПГУ, 2011. – С. 230–234.

8. Крикливец, Е.В. Специфика художественного пространства-времени в повествовании в рассказах В. Астафьева «Царь-рыба» и повести В. Козько «Цвіце на Палессі груша» / Е.В. Крикливец // Язык и социум : материалы VIII Международной научной конференции, Минск, 5-6 декабря 2008 г.: в 2 ч. / под общ. ред. Л.Н. Чумак. – Минск: РИВШ, 2009. – Ч. 1. – С. 168–171.

9. Крикливец, Е.В. Топос дороги в повестях В. Астафьева «Последний поклон» и В. Козько «Суд у Слабадзе» / Е.В. Крикливец // Литература в контексте современности: сб. мат. IV Международной научно-методической конференции, Челябинск, 12-13 мая 2009 г. / отв. ред. Т.Н. Маркова; Челяб. гос. пед. ун-т. Челябинск: Изд-во ООО «Энциклопедия», 2009. – С. 256–258.

10. Крикливец, Е.В. Мотив границы в «Царь-рыбе» В. Астафьева и повести «Цвіце на Палессі груша» В. Козько / Е.В. Крикливец // III Машеровские чтения: материалы республиканской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 24-25 марта 2009 г. / Вит. гос. ун-т.; редкол.: А.Л. Гладков (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2009. – История. Белорусская филология. Русская филология. – С. 258–259.

11. Крикливец, Е.В. Топос дома в повестях В. Астафьева «Последний поклон» и В. Козько «Суд у Слабадзе» / Е.В. Крикливец // Куляшоўскія чытанні: матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Магілёў, 24 красавіка 2009 г. – Магілёў: УА «МДУ імя А.А. Куляшова», 2009. – С. 255–257.

12. Крикливец, Е.В. Топос дороги в повестях В. Астафьева и В. Козько / Е.В. Крикливец // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica: VIII Міжнародная навуковая канферэнцыя «Беларуска-руска польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства»: у 2 ч., Віцебск, 22-24 кастрычніка 2009 г. / Віц. дзярж. ун-т; рэдкал.: Г.М. Мезенка (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск: УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2009. – Ч. 2. – С. 139–142.

13. Крикливец, Е.В. Топос дома в рассказах В. Астафьева и В. Козько / Е.В. Крикливец // Культура и письменность славянского мира: сборник материалов международной научно-практической конференции, Смоленск, 23 мая 2009 г. – Смоленск, 2009. – Т. XI. – С. 85–88.
14. Крикливец, Е.В. Художественное пространство-время: к истории вопроса / Е.В. Крикливец // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XV (62) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, посвященной 100-летию со дня основания УО «ВГУ им. П.М. Машерова», Витебск, 3-5 марта 2010 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.П. Солодков (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2010. – С. 164–165.
15. Крикливец, Е.В. Модус мифологического пространства-времени в повестях В. Астафьева и В. Козько / Е.В. Крикливец // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: матэрыялы IX Міжнар. навук. канф., прысвеч. 70-годдзю філал. фак. Беларус. дзярж. ун-та, Мінск, 15-17 кастрычніка 2009 г.: у 2 ч. / пад рэд. В.П. Рагойшы; рэдкал.: В.П. Рагойша (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2010. – Ч. 2. – С. 60–64.
16. Крикливец, Е.В. Мифологическое пространство-время в прозе В. Астафьева и В. Козько: топос героя / Е.В. Крикливец // Куляшоўскія чытанні: матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі: у 2 ч., Магілёў, 29-30 красавіка 2010 г. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2010. – Ч. 1. – С. 123–129.
17. Крикливец, Е.В. Мотив смерти в прозе В. Астафьева и В. Козько / Е.В. Крикливец // Беларуская мова і літаратура ў славянскім этнакультурным кантэксце: матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, Віцебск, 21-22 кастрычніка 2010 г. / Віц. дзярж. ун-т; рэдкал.: Г.А. Арцямёнак, В.І. Русілка (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск: УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2010. – С. 178–181.
18. Крикливец, Е.В. Топос дома в повестях В. Астафьева и В. Козько / Е.В. Крикливец // Коды русской классики: «дом», «домашнее» как смысл,

ценность и код: материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения первого классического Самарского государственного университета в Самарском крае, Самара, 19-20 ноября 2009 г.: в 2 ч. / отв. редактор Г.Ю. Карпенко. – Самара: Издательство «СНЦ РАН», 2010. – Ч. 2. – С. 159–164.

19. Крикливец, Е.В. Дом, дорога, герой в модусе мифологического пространства-времени в прозе В. Астафьева и В. Козько / Е.В. Крикливец // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XVI (63) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 16-17 марта 2011 г.: в 2 т. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.П. Солодков (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2011. – Т. 1. – С. 229–231.

20. Крикливец, Е.В. Экологические аспекты топоса дома в прозе В. Астафьева и В. Козько / Е.В. Крикливец // Язык и социум: материалы IX Международной научной конференции, Минск, 3-4 декабря 2010 г.: в 2 ч. / под общ. ред. Л.Ф. Гербик. – Минск: Изд. центр БГУ, 2011. – Ч. 2. – С. 100–103.

21. Крикливец, Е.В. История русской литературы (вторая половина 1950-х гг. – конец XX века) / Е.В. Крикливец // Фольклористика. Мифология. Литература: учебно-методический комплекс / В.Н. Поклонская [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2009. – С. 202–230.